

лельных источников, сообщаются мнения других исследователей и в большинстве случаев высказывается суждение автора. Ряд статей комментария носит не только объяснительный, но и исследовательский характер. Конечно, не все выводы Матве представляются безусловными, однако почти все части комментария могут служить хорошим отправным пунктом для дальнейшего исследования.

К изданию приложены подробные карты, указатель и тщательно подобранный список литературы. В отличие от многих зарубежных работ, Матве широко пользуется трудами русских византинистов (В. Васильевского, П. Безобразова, Н. Скабалано-вича). К сожалению, автору остались неизвестными некоторые (правда, немногочисленные) работы советских ученых, исследовавших события, упомянутые Вильгельмом Апулийским или в параллельных источниках (А. Неусыхин, Н. Соколов и др.).

Впервые поэма Вильгельма стала предметом всестороннего изучения. Автор исследования одинаково владеет как западным, так и греческим материалом. Все три составные части книги М. Матве представляют немалый интерес для историков Италии и Византии XI в.]

Я. Л.

Н. ANTONIADIS-BIBICOU. RECHERCHES SUR LES DOUANES À BYZANCE

Paris, 1963, 293 p.

Книга французской исследовательницы Э. Антониадис-Бибику поднимает вопрос, который, по существу, еще не был предметом монографического исследования, — о византийских таможенных и таможенных сборах. Нет нужды специально говорить о важности этой темы, подчеркнуть лишь ее трудность. Антониадис-Бибику приходится привлекать источники разного времени и разных типов: надписи и печати, законодательные памятники и документы, жития и хроники; помимо византийских используются латинские, восточные, древнерусские памятники.

Следует отметить две особенности книги: во-первых, стремление поставить историю таможенных чиновников и таможенных сборов в тесную связь с политической и экономической историей Византии; во-вторых, интенсивная обработка источников. Антониадис-Бибику не ограничивается анализом отдельных свидетельств — она сводит данные памятников в таблицы, составляет схематические карты, облегчающие использование огромного собранного ею материала.

Исследовательница рассматривает прежде всего свидетельства о размере таможенных сборов. В Римской империи они составляли 2,5—5% (стр. 72), и подобные же нормы сохранялись до начала VI в. При Юстиниане I происходят существенные изменения в таможенном деле: разрастается аппарат сборщиков пошлин, сбор их передается из рук откупщиков государственным чиновникам; одновременно возрастает размер обложения — вводится *δεκάτη*, т. е. пошлина в 10% (стр. 93 и сл.).

Пошлины в 10% существовали при Никифоре I (стр. 97); в 1348 г. Иоанн VI Кантакузин отменил «старый закон, обязывающий всех торговцев платить в казну десятину (*δεκάτας*), и установил сбор в размере 2% (стр. 102). На основании лаврских актов Антониадис-Бибику доказывает тождество десятины и коммеркия (стр. 103).

Коммеркия встречается в разных значениях: как сбор с ярмарок (стр. 107 и сл.), как пошлина за провоз товаров и за куплю-продажу (стр. 108 и сл.). Как в позднеримской остава, в коммеркия сливаются и чисто таможенный сбор, и обложение торговой сделки (стр. 197, 218). Антониадис-Бибику рассматривает судьбу византийского коммеркия: с конца IX в. возрождается сдача на откуп таможенного сбора, первым проявлением чего она считает перевод торговли с болгарями в Солунь (стр. 143); с начала X в. появляется освобождение иноземцев от уплаты таможенных пошлин; сперва его получили русские купцы (стр. 54), позднее — венецианцы.

Исследовательница полемизирует с Г. Милле, доказывая, что коммеркиарии с самого начала выполняли таможенные функции (стр. 158 и сл.). Она тщательно анализирует легенды печатей коммеркиариев, прослеживая, в частности, аккумуляцию коммеркиариями других функций (стр. 174 и сл.) и понижение значения этой должности с IX в. (стр. 181 и сл.), а также локализует на карте таможенные пункты в разные столетия (стр. 197 и сл.). При этом весьма примечателен ее вывод, что до конца VIII в. таможенные округа не совпадают с административным делением империи (стр. 206).

Однако этой узкофискальной стороной не исчерпывается значение рецензируемой книги. Автор, опираясь на полученные материалы, ставит проблему экономического развития империи.

В специальном экскурсе Антониадис-Бибику выступает в защиту тезиса о существовании в Византии элементов денежного и натурального хозяйства (стр. 246 и сл.): в локальном обмене преобладали натуральные элементы, на крупном внутреннем рынке — денежные. Что касается внешнего рынка, то исследовательница различает поло-

жение на Западе и на Востоке и допускает, что обмен с западными соседями мог в раннее средневековье носить натуральный характер (стр. 248).

По ее мнению, известная натурализация византийской экономики приходится на VII столетие (стр. 254 и сл.). VIII век она считает эпохой экономической стабилизации, X в. датирует торговый подъем (стр. 141 и сл.). Тем самым, заключает исследовательница, развитие Византийской империи может быть включено «в общую схему экономических процессов в государствах средневековья» (стр. 221). С XI в. Византия слабеет, переживает своего рода феодализацию, объясняемую тем, что «государство отражает прежде всего интересы господствующего класса» (стр. 223).

Разумеется, как и во всякой книге, в работе Антониадис-Бибикю встречаются неточности и обмолвки. Так, на стр. 102 она называет Киннама секретарем Иоанна II. Встречаются здесь и некоторые спорные положения: автор, к примеру, постоянно пользуется поздними юридическими памятниками (как-то Василий и Синописис Василий) не только для изучения юридической теории (что имело бы основания), но и для восстановления реальных отношений, несмотря на то, что она сама удачно вскрывает разрыв юридической теории и практики (стр. 113) и, в частности, убедительно показывает, насколько ограничены возможности привлечения Морского закона в доказательство развитости денежных отношений в VII в. (стр. 252 и сл.).

Некоторые факты не нашли в книге убедительного объяснения. Так, на стр. 210 Антониадис-Бибикю отмечает обилие печатей коммерциариев VII и большей части (*une grande partie*) VIII в. Действительно, на VII и самое начало (а не «большую часть!») VIII в. приходится 65 печатей из 135 датированных печатей (№ 5—69), тогда как на вторую половину VIII и IX столетие — всего 23 (№ 70—92). При этом печати VII — начала VIII в. принадлежат коммерциариям большого числа пунктов — преимущественно в Малой Азии; напротив, печати второй половины VIII — IX в. относятся к Солуни (11 штук), Элладе (4 штуки), городам на морских подступах к столице: Хрисополу и Авидосу (2 штуки) и по одной к провинции Азии, Никомидии, Пергаму (?). (Остальные печати не имеют локализации.)

Исследовательница отмечает, что эти перемены отражают отчасти изменение экономического положения (*une situation économique*), но прежде всего — новую политическую ситуацию, вызванную арабскими вторжениями. В другом месте (стр. 199) она говорит, что соотношение печатей выражает превращение Византии VII в. в малоазийское государство. Бесспорно, преобладание малоазийских таможен VII в. над балканскими в какой-то мере связано с потерей контроля над балканскими территориями, которые в VII в. перешли в руки славян. Этот факт адекватен отмеченному Г. Острогорским явлению — исчезновению большей части балканских епископий в VII в.¹

Однако экономический аспект перемены остается невыясненным. Действительно, почему с начала VIII в., несмотря на успехи Исаавров и оттеснение арабов из Малой Азии, исчезают все малоазийские таможи, кроме самых близких к столице, тогда как в бурное VII столетие они существовали там повсеместно? Ход арабо-византийских войн определенно противоречит попытке объяснить это изменением политической ситуации. Наоборот, если мы допустим, что сокращение товарного обращения в Византии приходится на VIII в. (как я предположил еще в 1954 г.), то уменьшение числа таможенных пунктов в VIII в. окажется совершенно естественным.

Относя к VII, а не к VIII столетию сокращение товарного обращения, Антониадис-Бибикю оперирует цифрами Острогорского (стр. 254), не учитывая, однако, что эти цифры отражают не реальное количество сохранившейся золотой монеты, а состав коллекций. Резкое уменьшение находок византийской монеты VIII — IX вв. за пределами империи подтверждает предположение о спаде товарного обращения в эти века.

Не находит объяснения и другой отмеченный Антониадис-Бибикю факт: исследовательница полагает (на мой взгляд, вполне основательно), что с X в. начинается подъем византийской торговли. Как же объяснить в таком случае относительно небольшое количество печатей коммерциариев этого времени (преимущественно сохранились печати коммерциариев Херсона) и уменьшения значения этой должности?

В этой связи следовало бы обратить внимание на ускользнувшее от исследовательницы житие Афанасия Афонского, где прямо отождествляются термины «практор» и «коммерциарий»². Не означает ли это, что функции коммерциария выполнялись — за исключением некоторых наиболее важных торговых центров — обычными сборщиками податей?

Можно было бы затронуть некоторые дополнительные проблемы, например о соотношении ввозных и вывозных пошлин (по хрисовулу 992 г. и по данным Марвази)³.

¹ G. O s t r o g o r s k y. Byzantine Cities in the Early Middle Ages.— DOP, 13, 1959, p. 57 f.

² И. П о м я л о в с к и й. Житие преп. Афанасия Афонского. СПб., 1895, стр. 5.

³ А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX — X вв. М., 1960, стр. 292.

Большого внимания заслуживал и вопрос о привилегиях византийских городов X — XII вв. Автор, основательно подчеркивая, что класс купцов оказывал влияние на правительство Льва VI (стр. 42)⁴, придерживается тем не менее традиционного взгляда, будто этот император ликвидировал «последние следы» автономии городов (стр. 47)⁵. Но и то, что сделано Антониадис-Бибику, позволяет высоко оценить ее книгу.

А. К.

P. GAUTIER. LE DISCOURS DE THEOPHYLACTE DE BULGARIE
À L'AUTOCRATOR ALEXIS I-ER COMNENE (6 JANVIER 1088)

«Revue des études byzantines», XX, 1962, p. 93—130

Труд П. Готье состоит из двух частей: исследования речи Феофилакта Болгарского к императору Алексею I Комнину и издания текста речи. Критическое издание речи появляется впервые. До сих пор исследователи были вынуждены обращаться к «Греческой патрологии» Миня (PG, t. 126), который воспроизвел текст старого венецианского издания, основывавшегося на рукописи XVI в. Это издание изобиловало ошибками и пропусками, в ряде случаев делавшими текст Феофилакта плохо понятным. В основу издания Готье легли две флорентийские рукописи XIV в. (Laurentianus LVI, 1 и Laurentianus LIX, 12); оно сделано основательно и добротно.

Исследование посвящено частному вопросу — уточнению датировки речи. Однако, как это часто бывает, частный вопрос оказывается связанным с более широким кругом проблем, и это придает работе Готье несомненный интерес. Во-первых, уточнение даты речи должно изменить наши представления о биографии Феофилакта. Во-вторых, Готье приходится заниматься хронологией византийско-печенежской войны и событий в Малой Азии 1086—1092 гг. Эти события известны лишь из «Алексиады» Анны Комниной; соответствующие главы ее труда имеют весьма запутанную хронологию, которая неоднократно была предметом ученых дискуссий.

В. Васильевский определил *terminus post quem* (1088 г.) и *terminus ante quem* (1092 г.) речи Феофилакта¹. Эти даты ни у кого, в том числе и у Готье, не вызывают сомнений. Готье оспаривает лишь попытку Васильевского установить для речи точную дату — 6 января 1090 г., дату, которая безоговорочно принимается всеми прочими современными исследователями².

Единственный аргумент В. Васильевского заключается в идентификации мира с печенегами, за который Феофилакт хвалит Алексея (сар. 6), с миром, упомянутым Анной (II, р. 107.17—22)³, который Васильевский датирует концом 1089 г. Готье возражает против такой идентификации и предлагает отождествить упомянутый Феофилакт мир с тем, который, согласно Анне (II, р. 105.30—106.30), несколько ранее заключил Синесий (Готье датирует его началом зимы 1087/88 г.).

Возражения Готье сводятся к следующему: 1) согласно Феофилакту, печенегов к заключению мира вынудил договор Алексея с куманами, а в 1089/90 г., судя по «Алексиаде», куманы уже не участвовали в событиях; 2) согласно Феофилакту, печенеги первыми отправили послов к Алексею с предложением мира, Анна же сообщает, что инициатором мирного договора был Алексей; 3) как сообщает Анна, мир конца 1089 г. оказался недолговечным, в начале зимы печенеги перешли в Тавроком и стали грабить окрестности. Таким образом, в январе, когда произносилась речь, договор был уже нарушен.

Первый довод Готье — *ex silentio*. Относительно роли куманов в заключении мирного договора Анна могла просто умолчать, ведь, по ее собственным словам (II, р. 146), «из многих событий [печенежской войны] она упомянула лишь о немногих».

Что же касается второго и третьего доводов, то они представляются вполне основательными для того, чтобы поколебать датировку Васильевского. Готье, однако, не

⁴ См. об этом также: М. Я. С ю з ю м о в. Экономические воззрения Льва VI. — ВВ, XV, 1959, стр. 34; А. П. К а ж д а н. Из истории политической борьбы в Византии в начале X в. — Уч. зап. Тульского пед. ин-та, 3, 1952, стр. 194 и сл.

⁵ См. критические замечания: А. П. Р у д а к о в. Византийская культура по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 79, особенно: Н. В. П и г у л е в с к а я, Е. Э. Л и п ш и ц, М. Я. С ю з ю м о в, А. П. К а ж д а н. Город и деревня в Византии в IV — XII вв. Белград — Охрид, 1961, стр. 37 и сл.

¹ В. В а с и л ь е в с к и й. Труды, т. I. СПб., 1908, стр. 134 сл.

² Кроме перечисленных Готье авторов, в самое последнее время за эту датировку высказался Р. Катичич (R. K a t i č i ć. Βιογραφικά περί Θεοφύλακτου Ἀρχιεπισκόπου Ὁσρίδος. — ЕЕВΣ, 30, 1960—1961).

³ Цитируем по изданию: А н н е С о м н è н е. Alexiade. Paris, 1937—1945.